

МИХАИЛ КОЗАКОВ МОЖЕТ СТАТЬ ГЛАВНЫМ РЕЖИССЕРОМ

Недавние м.с.х
1999 - 2000 - 18.05.01 - 7

Театр имени Пушкина: лакомый кусок или все еще проклятое место?

Григорий Заславский

«С НАЧАЛА нас путали Вragовой, теперь — Козаковым», — пожаловался мне один уже немолодой актер Театра имени Пушкина. Речь — о новом главном в не так давно де юре осиротевшем коллективе. Де факто для бывшего главного Юрия Еремина/Театр имени Пушкина давно уже, прошу прощения за каламбур, не был главным делом жизни. Любовь к доллару, особенно у еще недавно бедного художника (а недавно почти все художники у нас были бедными...), понятна, возможность их зарабатывать появляется не у многих. У Еремина — появилась, и он не смог вернуть счастливый билет. Об этом — наша статья «Проклятое место» (см. «НГ» от 25.01.2000). После ее публикации в театре прошел сбор труппы, актеры просили Еремина остаться и, рассказывают, растроганный режиссер согласился и вроде бы даже пообещал отказаться от каких-то американских ангажементов. Но отказаться не получилось. Незадолго до начала нового сезона народный артист России Юрий Иванович Еремин подал заявление об уходе. Сейчас его имени на афише театра нет.

Жалко. И эта жалость — самое первое и самое искреннее чувство. Жалко — потому, что Еремин покидает театр, где так хорошо начинал... Где с его именем связывались очередные и тогда уж точно небезосновательные надежды на то ли возрождение, то ли новую жизнь, — когда говорят о Театре имени Пушкина чаще всего вспоминают будто бы имевшее место проклятие Алисы Коонен, так что всякий новый режиссер прежде какой новой жизни должен разобраться с прошлым. Поборется с призраками. По части вызова Еремин оказался смел: достаточно вспомнить «Бесов», «Эрика Четырнадцатого», демонического «Ревизора», мрачную безысходность перенесенной сюда из Театра Советской армии «Палаты № 6». Жалко — потому, что уход Еремина — лишний и веский повод поговорить о кризисе «главной режиссуры», быть может, еще более остром, чем ставший притчей во языках кризис режиссерской профессии. И, к слову, — более опасный для судеб русского репертурного театра.

Режиссерская профессия — не из тех, где действуют законы плановой экономики и где в принципе можно закладывать «смысл» успеху, и тем не менее... В последний раз об уходе Еремина на сцене Театра имени Пушкина говорили лет пять назад, после вылука «Семьи Ивановых», который тогда называли вообще одним из лучших спектаклей «на военную тему».

Но все это — в прошлом. Уход Еремина означает: открылась вакансия.

Покинув Пушкинский, Еремин принял приглашение Павла Хомского стать очередным режиссером в Театре имени Моссовета. Логично: когда в родном его театре дела шли все хуже и хуже, Юрий Иванович неплохо работал в Театре имени Моссовета.

Правда, он не порывает связей и с прежним местом работы и успел уже выступить в Филамале, в Сытинском переулке, американскую пьесу «Никто не умирает по пятницам» (см. «НГ» от 21.09.2000), укладывающуюся в череду последних «скоростных» неудач. Еще один выступит до конца сезона. Параллельно ставят спектакли Дмитрий Астрахан и Роман Козак. Оба — бывшие главные. Один — Театра имени Станиславского, другой — из петербургских. Обоих вроде бы логично рассматривать в числе претендентов. Но в последнее время как о наиболее вероятной кандидатуре заговорили о Михаиле Козакове. С Театром Пушкина его связывает пока только то, что в течение последних лет, среди других гастролеров, на сцене Пушкинского работает и «Прекланный театр «Русская антреприза» Михаила Козакова».

А что же, конечно. снятые им фильмы (а среди них — первую очередь — «Покровские ворота»). Недоброе жаление — что-то другое, что во всяком случае уравновесит чаши весов. Козаков — один из самых скандальных персонажей на нашем театральном горизонте, богатом скандальными фигурами. Истории с Людмилой Максакловой, с Ольгой Аросевой. После возвращения из Израиля Козаков приступил к репетициям пьесы Григория Горина «Пуля на оба валища дома» — МХАТе имени Чехова, потом (или, наоборот, сначала?) — в Театре имени Маяковского, а итоге же ушел и оттуда. И оттуда. Спектакль в «Маяковке» ставила Татьяна Ахрамкова.

В связи с Козаковым было бы уместно позаимствовать термин из финансового словаря: то, что можно назвать плохой кредитной историей. Он плохо уезжал,

ние неминуемо. В этой роли (с учетом, конечно, разницы и глубины режиссуры) Калаян переигрывает его чистую. Его нельзя уже, мне кажется, называть и хорошим чтецом. В минувшие воскресенья, например, по каналу «Культура» показывали старую запись пастернаковской программы. Самые простые, позаные стихи Пастернака Козаков декламировал претенциозно, шедро декорировано, — так некоторое время тому назад было принято писать о не лучших образцах архитектуры модерна. Много эффектов, мало понимания. Почему? Козаков всегда — прежде — понимал поэзию...

Как бы то ни было, правильное всего было бы предложить всекому, кто претендует или может быть рассмотрен как один из возможных кандидатов на место главного режиссера Театра имени Пушкина, что-то поставить на тему «свободной» сцене. Чтобы труппа не боялась, чтобы знала, что «покупают» не kota в мешке. Для гипотетического тендера (или, если угодно, режиссерского хастинга, — почему-то понятие «смотрин» совершенно ушло из нашей безальтернативной жизни в искусство) можно предложить несколько достойных такого смотра кандидатур. Козаков — раз, два, три, четыре — Сергей Женовач, Андрей Житинкин, Татьяна Ахрамкова, давно уже созревшие, чтобы стать главными. Житинкин, может быть, самая подходящая кандидатура, имея в виду умение этого режиссера организовывать не только само театральное зрелище, но и атмосферу вокруг. Может быть, стоит еще раз поговорить со Светланой Вragовой. Роман Козак, который, кажется, меньше всего думает об этом, пошел по самому верному пути: спектакль в театре — лучшая дорога к сердцу актера.

В Комитете по культуре между тем не собираются торопиться. К тому же, говорят, вакансия эта не у Комитета по культуре, а у директора театра. В одних театрах Комитет по культуре заключает договор с художественным руководителем. В других тогда главный — директор, и тогда Комитет нанимает директора театра. В Театре имени Пушкина ответственным лицом — директором, как в Театре на Малой Бронной — Илья Коган, в Театре имени Станиславского — Феликс Демичев. Устав театра, конечно, можно изменить и сделать руководителем главного режиссера, а, может быть, в будущем и ввести институт художественного руководства.

Ответственный сотрудник Комитета по культуре рассказал нам, что, когда Илья Аронович Коган назначен Сергея Женовача главным режиссером, он написал письмо в Комитет по культуре, проинформировав о своем желании. «То же самое, вероятно, собирается сделать и директор Пушкинского театра. Предложить постановку — наверное, самый правильный ход, чтобы новый режиссер сначала вошел в труппу спектаклем, потом уже стал главным, а может впоследствии и худруком. До нового года что-то произойдет», — утверждает наш информированный собеседник в Комитете по культуре.

Михаил Козаков — самая обсуждаемая кандидатура на пост главного режиссера Театра имени Пушкина. Фото Натальи Логиновой

Сам Козаков вроде бы не против такого поворота судьбы и было бы даже хорошо занять это место, поскольку ему, как говорится, и к лицу, и по летам обязательности собственным театральным домом, а не мотаться по чужим, на вечер-другой натыканным сценам.

Но сцена Пушкинского театра — естественно, эфемеризм, подражательный, что есть еще и труппа. И я первую очередь зияющую на афише «равна» мешаю жить актерам. Пушкинский театр давно не пользуется любовью театралов, а между тем в его труппе немало замечательных актеров. Вера Алентова, Александр Пороховников, Наталья Николаева, Юрий Горобец, Игорь Бочкин...

Козаков же — лучший пример недавнего примера. Поклонники, конечно, вспоминая начало в «Серебрянике», продолжение на Малой Бронной, назовут Козако-

ваблив грязно России, в которой ему будто бы нечем было кормить только что родившегося ребенка. (Это было время, когда перебои с продуктами случались и денег не хватало многим, но вряд ли именно Козаков во всей полноте опустил эти проблемы.) Он плохо возвращался, обилие грязи на этот раз Израиль, который ему, конечно, не удалось превратить в театральную Мекку.

Сегодня — хозяин одной из самых грубых антреприз, которой многое пришлось, учитывая прежний опыт, и былое заступил. В «На дне» кто-то из персонажей говорит Барону, что в карете произошло далеко не чудесно. Это — ошибка.

Ведь Козаков и как актер полюбил. Тонким рабам и его сегодняшним «арестантам» нет. Он играет Шенклова, можно сказать, «в отрыве» с Катиничем, сравне-